

Источник: Михайлов А. Чем жизнь красна / А. Михайлов // Москва. — 1966. — № 7. — С. 215–217.

ЧЕМ ЖИЗНЬ КРАСНА

Александр Яшин. Босиком по земле. Стихи. М. «Советский писатель». 1965. 170 стр. Цена 23 коп.

«Бродить по сырой земле босиком — это большое счастье!» — подытоживает свои новые ощущения Александр Яшин, а в другом стихотворении задумчиво и неторопливо убеждает себя: «Мне просто необходимо босым по земле ходить...» Ему вторит Евгений Винокуров: «Есть смысл в поэте только лишь босом...»

А ведь они очень по-разному ощущают материальность мира, Яшин и Винокуров, но тем не менее оба пришли к убеждению, что «На ощупь мир правдивей». И точка опоры у каждого своя. Винокуров погружается в быт, скрупулезно исследует обстоятельства жизни человека, чтобы понять его психологию. Яшин бежит от житейской суеты в лес, на Бобришный угор, которому он и посвятил свою книгу «Босиком по земле».

Неизбывно и целительно чувство родины в русском поэте! Как только трудно и горько ему, так бежит в родные места, к своему деревенскому порогу, припадет к коленям старушки матери, подышит воздухом степей и лесов — и отойдет сердцем, и уже снова снедаем нетерпением вмешаться в самую лихорадку жизни. Вы помните стихи Василия Федорова о том, как он исполняет «обряд обновления» в тихой купели родного озера Койдор? А как Евгений Евтушенко бежит на станцию Зима после шумных столичных дискуссий?..

Вырвавшись на Бобришный угор, что в получасе ходьбы от родной деревни Блудново, Яшин в уверенности заключает: «Жизнь моя, как сказанье, начинается снова». Что же его влечет сюда?

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зреньё,
Недоступное людям.

Поселившись в лесном домике, поэт умиротворенно заявляет: «Большого в жизни не надо — только сиди и пиши».

Но этим ли только жизнь красна?

Ведь предыдущая книга стихов Александра Яшина вышла пять лет назад под символическим названием «Совесть». Поэт призывал читателей: «Спешите делать добрые дела!» Да и о своей гражданской поэзии заявлял недвусмысленно:

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу.
Сам за все отвечать хочу.

Так слияния ли с природой жаждет поэт? Действительно ли хочет «жить, как ветер в вершинах живет»?

Вопрос этот можно было бы и не задавать, так как ответ ясен с самого начала: роль лесного отшельника не по Яшину. Сам он, избегая высоких слов, говорит об этом по-солдатски коротко и сухо: «не положено». Но все же не случайно у Яшина это настойчивое стремление уединиться в лесу, он верит в целительную силу природы.

В сосновом бору,
В березовой роще,
Где так многогранно желанье жить,
Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.

Вот это уже прямое продолжение и развитие главной темы предыдущей книги, темы нравственного обновления, характерной для поэзии последнего десятилетия. И конечно же здесь, в лесном уединенье, все равно невозможно отрешиться от людских забот, ибо даже в доме под старой крышей сегодня нельзя не почувствовать, что «век не тот, не тот народ!» Внешне-то, может, и не сильно изменилась деревенская жизнь, но и в бору «случилось невозможное» — появилось радио.

И снова верится и чудится,
Что жизнь идет не стороною:
Когда-нибудь, наверно, сбудется
Все остальное.

Яшин осторожен на обещания и скуп на слова относительно «всего остального» в деревне. Причины на то есть. Ему они хорошо известны. Читателю — тоже. Самое существенное в лирическом герое Яшина — общность его судьбы и судьбы деревни. Тут вот и коренится внутренне выношенная вера поэта в добро, в будущее.

В книге «Босиком по земле» три самостоятельных раздела, и если судить по первому, то все-таки создается впечатление некоторого гражданского охлаждения поэта, автора книги «Совесть». Но в разделе стихи объединены по идейно-тематическому принципу. Глядя на даты их написания, сопоставляя мотивы стихов из всех разделов, мы убеждаемся, что поэт все эти годы жил беспокойно, нервно и только временами бежал в охотничью избушку, ища уединения и покоя.

Второй раздел, например, открывается стихотворением «Лирическое беспокойство», где довольно остро выражено ощущение непокоя, желание перемен, желание чего-то такого, что всколыхнуло бы чувства, обожгло сердце, высегло искру творчества. Эта же тема наша своеобразное развитие в стихотворении «В М Т», что

расшифровывается, как Верхняя Мертвая Точка. Стремление каждого человека к своей В М Т, к вершине жизни, достижение ее, может быть, и есть настоящее счастье?..

Нет, идея стихотворения сложнее.

Я — человек,
И чтобы жить,
Я хочу одолеть свою слабость,
Свою В М Т,
Уйти из равновесия,
Даже если в нем мое счастье.

Читатель, наверное, обратит внимание на то, что Яшин заговорил верлибром, Александр Яшин, который, кажется, так прочно укоренился в традиционном стихе за три десятилетия его творческого обживания. Это не эксперимент ради эксперимента. Значит, что-то из ряда вон выходящее побудило поэта обратиться к необычной для него форме свободного стиха...

В сборнике несколько стихотворений, написанных верлибром. Вот еще одно из них — «К тебе обращаюсь, душа моя!» Как и «В М Т», оно написано об очень личном и значительном. Яшин размышляет о поэзии, пытается постигнуть, что же она такое в нашей жизни и что такое по отношению к человеку-творцу, к поэту? И приходит к выводу, что поэзия — «повсюду», она «в природе, в людях», она существует «как биотоки Вселенной». «А поэт — вроде приемника». Но если он истинный поэт и человек, «думающий и страдающий, он пропустит волны поэзии через свою судьбу, через свою душу».

Последние строки звучат как заклинание:

Весь мир — поэзия.
И я обращаюсь к тебе, душа моя:
будь хорошим приемником,
чутким,
многоналадонным,
всеволевым, как двадцатый век, —
приглушена одна волна,
переходи на другую,
чтобы ощутить поэзию
как биотки людских сердец.

Можно критически отнестись к яшинскому верлибру. Мне, например, он кажется недостаточно органичным. Но поэт правильно почувствовал необходимость свободного стиха именно в том случае, в котором ему нужна большая свобода и раскованность формы. Подлинность чувства очевидна, даже несмотря на некоторый рационализм образной структуры. Но это уже не за счет верлибра.

Рационалистическое начало кое-где обнаруживает себя и в рифмованном стихе. Причем обнаруживает под покровом внешней экспрессии. Здесь я мог бы сослаться на стихотворение «Все можем» с его газетно-риторической структурой и совершенно расудочной концовкой, возможно, и еще на два-три стихотворения...

Понять это легко. В поэзии проснувшись жажда поразмышлять о жизни. Значительного опыта проникновения в интеллектуальную сферу в тридцатые и сороковые годы наша поэзия не накопила. Ну и вот, логические рассуждения порою про-

никали — и проникают! — в стихи, не будучи органично воплощенными в новую, образно-эмоциональную систему понятий. Не избежал этих слабостей и Александр Яшин.

Но если говорить в целом о книге «Босником по земле», то нельзя не заметить, что в ней живет страсть и мысль человека совестливого, бесполойного, даже, как говорят на родном Яшину севере, — рискованного. Недаром же в его стихах по контрасту с тихой задумчивостью вдруг прорывается жажда опасности, риска, небывалых ощущений. Что переживает этот как будто бы спокойный и рассудительный человек, стоя на горной вершине?

До крика охота, до муки
Шагнуть с отвесной стены,
Чтобы, раскинув руки,
Проверить:
Сбываются ль сны.

Наверное, Яшину близки переведенные им строки болгарского поэта Павла Матева: «Огонь — в тревогах каждого дня, в сердечных моих откровеньях». Свет добра и человечности излучает поэзия Александра Яшина, этим она и привлекательна, этим и дорога сердцу читателя.

Интересно посмотреть, как прочерчивается рельеф современной поэзии. С одной стороны, она обосновывается на земле (именно в этом символическое значение заголовка — «Босником по земле»), вбирая ощущение естества и плотности мира; с другой — уже чувствуя материальную основу бытия — устремляется в горную высь человеческого духа. Пусть этот рельеф пока обозначен пунктирно, но — обозначен!

А дальше — поглядим. Подождем. Еще не удавалось понуканиями двинуть вперед поэзию. Полезнее для дела вовремя замечать и поддерживать новые тенденции в ее развитии.

Сейчас дыхание поэзии становится свободнее, взгляд — острее. Даже о любви, наконец, поэты заговорили настоящими стихами, приближаясь порою к той свободе и естественности чувства и непосредственности его выражения, которые были свойственны русской поэзии в ее лучшие времена.

Не приведет ли это, даст бог, в скором времени к посрамлению стихотворных регламентаций о любви и не пошатнет ли некоторых кумиров мещанской лирики?!

Ах, как хорошо было бы...

Я не зря заговорил об этом: вот уже который раз за последнее время, испытывая волнение, радость, горечь, читаю настоящие стихи о любви, стихи не вымученные, не стерилизованные, не регламентированные, а — мужественные, если хотите, взрослые. Так и хочется поскорее нового пришествия любви в поэзию, любви, сметающей «каноны, прогнозы, параграфы», такой, чтобы ждать от нее:

Может, прорезается новое зреньё?
Может, как высшее просветленье,
И на мня снизойдет слепота?

Любовь яшинского героя — любовь зрелого и сильного человека, смело идущего

чего навстречу ей. Но это и любовь необыкновенно трудная, осложненная такими эмоциональными контрастами, что, кажется, представить себе трудно. То он мечтает даже о безответной любви, ибо любовь всегда является своеобразным ферментом жизнедеятельности: «только бы простояв не зная душе» —

Скрытно жить,
В немилости,
Но в любой миг
Из-под ног вырваться
На ее крик,—

то верит в пришествие любви и живет этой верой, то несет в себе горькое чувство разочарования — «Трудно живу, молча живу, молчу до ожесточения...», — а то и вовсе впадает в отчаяние перед неожиданностями любви. Даже у любящих сердца бьются не всегда в унисон, возникает чувство отчуждения, рождаются парадоксальные предположения:

Нет в любви ее ревностной
Ни добра, ни просвета,
Извела меня ревностью,—
Может, ненависть это?

В немногих стихах о любви Александр Яшин предстал человеком сильно и тонко чувствующим, нервно отзывающимся на все перипетии этого неподвластного расцудку чувства, открытым навстречу ему и до конца честным в самых критических его ситуациях.

А не этим ли и красна жизнь — большой и честной любовью, совестливым отношением к людям, активной позицией гражданина своей страны?

А. Михайлов

ИСКАТЕЛИ, ТВОРЦЫ

С. Шуртаков. Путешествие на край света. М. «Молдая гвардия». 1965. 256 стр. Цена 56 коп.

И. Винниченко. Их не несет. М. «Советский писатель». 1965. 364 стр. Цена 65 коп.

Поздней осенью минувшего года мне с группой литераторов довелось проводить на Дальнем Востоке так называемую «Неделю молодежной книги». Писатели встречались со своими читателями, выслушивали их пожелания, рассказывали о своих творческих планах. И знакомились, конечно, с этим прекрасным краем. Во время одной из поездок в пригороды Владивостока кто-то вытащил из портфеля книгу и, быстро перелистывая ее, стал сообщать нам сведения об Уссурийской тайге, об оленем совхозе, о долине Майхэ, в которой мы находились... Мы позавидовали владельцу столь толкового путеводителя. Но оказалось, что у нашего товарища в руках была книжка С. Шуртакова «Путешествие на край света».

Я сказал «но», потому что считать этот сборник очерков «путеводителем» было бы

неверно. В то же время описание края, сделанное с любовью к нему, с хорошим знанием местности и ее обитателей, с пониманием души природы и людей, может, разумеется, сослужить добрую службу тем, кто впервые ступает ногой на эту землю. Такими качествами, на мой взгляд, отличаются очерки С. Шуртакова. Однако они призваны не только и не столько к тому, чтоб помочь путешественнику по Дальнему Востоку, Сахалину, Лене и Печоре, — они воссоздают зримую картину и для тех, кто не может совершить такую поездку, а хочет получить живое представление о Родине, ее богатстве и красоте, о романтике труда и вечном поиске, выносливости, мужестве и энергии советского человека.

Автор приглашает нас посидеть с ним у таежного костра, опуститься в морскую пучину, посмотреть, как среди ночи сияет солнце, и трижды встретить весну в одном и том же году!.. Для этого надо с расположением и доверием последовать за писателем, и мы будем вознаграждены. Правда, С. Шуртаков не сторонник цветистых, бьющих красками описаний. Его перо отличается простотой и точностью. Но это придает изображению естественность и зримость. Временами стиль писателя может показаться даже чересчур деловым, прозаическим, но присмотритесь внимательней, и за этой непринужденностью вы увидите выразительность и рельефность рассказа, умение неброским цветом запечатлеть особенности того, что интересует автора.

Относится это и к изображению людей, с которыми знакомит нас писатель, хотя, надо признаться, их психологические портреты удаются ему меньше. Метко определив одним-двумя штрихами основное, существенное в человеке, автор не углубляется в его внутренний мир, а спешит дальше-дальше, ибо после Владивостока его ждут Курильские острова, а затем путешествие на Крайний Север, в края Вилюйские и Печорские!.. Хорошо, что так много сумел увидеть и показать читателю С. Шуртаков, запомнится описание нелегкого рыбацкого труда, работы поисковых партий в царстве якутских алмазов, повествование о жизни северян в бухте Тикси. Да, поистине может показаться, что мы и сами побывали там, автор выполнил свое обещание. Людей же мы увидели лишь в картинах.

Но может быть, несправедливо ждать от каждого очерка всеобъемлющих творческих решений. Ведь недаром сейчас говорят и спорят о дифференциации очеркового жанра. В самом деле, и в этом роде литературы есть свои направления, несхожие друг с другом. Одно дело — путевой очерк, иное — проблемный, третье дело — портретный. Если в первом преобладает живописно-познавательное начало, то во втором — публицистический, исследовательский пафос, а в последнем — анализ характера. Возможны и другие модификации жанра. Чем разнообразнее будет наша очерковая литература, тем интереснее читателю зна-